

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

Россия, Москва.

Институт философии РАН.

Доктор философских наук, профессор, академик РАН,
главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и проблема
формирования гражданского общества в России».

Russia, Moscow.

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

Ph. D., Professor, Academician of the Russian academy of natural sciences,

Chief Researcher (Principal research scientist),

Head of the scientific school of "Social Philosophy and Building Civil Society in Russia"

valentina_fedotova@front.ru

ТРИ ТИПА ОТНОШЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ: ДОПОЛИТИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПОСТПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРЫ

В данной статье автор рассматривает две концепции политических культур — культур-социологическую теорию политического перформанса Дж. Александра, с одной стороны, и теорию баланса неравенств Г. Олмонда и С. Вербы, с другой. Раскрываются ценностные и когнитивные предпосылки этих концепций. Показывается конструктивистская направленность концепции Дж. Александра и более объективистская натуралистически-эссенциалистская точка зрения Г. Олмонда и С. Вербы. Обсуждается потенциал совместного применения этих концепций. Показывается важность одновременной работы натуралистически-эссенциалистских и конструктивистских подходов при формировании гражданской политической культуры. Анализируются перспективы построения демократической политической культуры и гражданского общества в странах переходного типа. Рассматриваются механизмы ценностных и когнитивных изменений, значение «мягкой мощи», СМИ, интернета, перспективность концепции баланса неравенств для построения демократии и гражданского общества в России. Автор характеризует дополитические, политические и постполитические культуры, показывает ошибочность отождествления этих культур и толкования дополитических и постполитических культур как политических.

Ключевые слова: политика, перформанс, идеология, мягкая мощь, ценностные изменения, когнитивные изменения, баланс неравенств, типы политических культур, конструктивизм, натуралистический эссенциализм, дополитические, политические, постполитические культуры

Three Types of Relation to the Politics: Pre-political, Political and Post-political Culture

The author examines two concepts of political cultures — these are, on the one hand, the cultural sociological theory of political performance by J. Alexander, and the theory of power balance by G. Almond and S. Verba, on the other. Both value and cognitive prerequisites of these concepts are revealed. The author distinguishes the two types of concepts — the constructionist concept of J. Alexander and a more objectivistic naturalistic essentialist viewpoint of Almond and Verba. Potential of the joint application of these concepts is discussed. The importance of simultaneous use of naturalistic essentialism and constructionism in the formation of civic political culture is demonstrated. The prospects of building democratic political culture and civil society in the countries in transition are analyzed. The mechanisms of the value and cognitive change, role of the «soft power», media and the Internet, prospects for employment of the balance of power concept in building democracy and civil society in Russia are discussed. The author characterizes the pre-political, political and post-political cultures and argues that it is wrong both not to distinguish between these cultures and to interpret the pre-political and post-political cultures as political.

Key words: politics, performance, ideology, soft power, value transformations, cognitive changes, balance of power, types of political culture, constructionism, naturalistic essentialism, pre-political, political, post-political cultures

Политический перформанс

Большие изменения в политику в массовом обществе внесли ее репрезентации в СМИ, Интернете, массовых движениях, избирательных кампаниях, публичных дискуссиях. Перформанс — спектакль для публики, создаваемый самой публикой, политиками, героями телеэкрана и политтехнологами. Тема

перформанса все более проникает в видение политики, привлекает политологов, социологов, культурологов, хотя ей пока не уделяется должного внимания. Социолог, который обратился к этой теме — Дж. Александр исследует ряд концепций социального и политического перформанса, среди авторов которых Дж. Макалун, К. Гирц, И. Гофман, Ф. Ауслендер, Д. Конкергуд,

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

Е. Диамонд, Дж. МсКензи, П. Рикер и др. Макалун является автором введения к книге, в которой анализируются обряд, драма, фестиваль, спектакль, и где он описывает культурный перформанс в качестве события, рефлексивного коллективные мифы и истории. Антрополог Гирц рассматривает социальный перформанс как способ рассказывать нашу историю самим себе. Гофман развил свою линию драматургической теории, согласно которой он формировал аналитический подход к театральным действиям актора, который отделяет перформанс от текста. Практически ориентированные теории Ауслендера и Конкергуда рассматривают перформанс как сопротивление, прагматическое отношение к власти и ее репрезентации, приближение к трактовке любого перформанса как политического. Перформанс рассматривается как изменение мира. В момент перформанса его акторы проходят стадию лиминальности, а также этап, на котором участники перформанса выходят из ситуации непризнания к стадии присоединения к новым значениям. Во время перформанса практики сопротивления становятся церемониальными. Конкергуд показывает, что в отрицании модели культуры как некоего текста, проявляющейся в перформансе, подчиненные группы создают культуру сопротивления, представленную не в форме дискурса, а в форме репертуара перформативных практик¹. Опираясь на эти представления, Дж. Александер дает свое понимание социального и политического перформансов. Любой тип перформанса — это созидание, наполнение, деятельность, которую Александер разделяет на культурную, социальную и политическую.

Еще в 1990 году Р. Мартин определил перформанс как политический акт, в котором политический субъект, подавленный массовой коммуникацией, рассматривает свое тело как оппозицию разуму в ситуации, в которой нельзя доверять сознанию. Перформанс для него — это правда тела, выступающего субъектом социальной и политической активности. Он говорит о политическом театре в СССР 1920-х и в США 1960-х, которые являются примерами политического перформанса, подобно тому как революция в Египте — политический перформанс для Дж. Александера².

Интересную трактовку политического перформанса дает немецкий политолог М. Шмидт, который различает политический перформанс мажоритарного и немажоритарного правления, демократии с большим и малым числом игроков, обладающих правом вето, гибридных режимов, президентского и парламентского типов правления, прямой демократии, представительного правления. Типы демократии являются ограничителями перформативных проявлений политики и дают возможность различного выбора³. В дальнейшем мы попытаемся применить методологию Шмидта к концепции баланса неравенств.

Чтобы понять, что такое политический перформанс, стоит обратиться к термину «политика». В соотношении с термином

«перформанс» важно показать, что политика, согласно удачно-му определению К. Шмидта, это способ решения вопроса государством и другими субъектами о том, кто друг и кто враг. Она рассматривается по аналогии с определением эстетического, решающим вопрос о том, что прекрасно и что безобразно; этическим, сосредоточенным на вопросе о том, что является добром, а что злом; экономического, выясняющего, что пригодно, что непригодно⁴. Цель политики — не умножить врагов, а сохранять друзей и превращать врагов в друзей.

Перформанс в переводе с английского означает производительность, исполнение, выполнение, деятельность, спектакль. «Политический перформанс» — выражение, используемое чаще всего в последнем смысле, учитывающем как спонтанность, так и запланированность событий, эмоциональную напряженность, борьбу за вовлечение публики, превращение скучного в интересное, не имеющего смысла в осмысленное. Сам термин «перформанс» близок постмодернистскому видению. Но постмодернизм — это идеология позднего капитализма в эпоху его кризиса 1960–1990-х годов. Сегодня же наступило время третьего модерна, которое мы определяем как новое Новое время для незападных стран⁵. Постмодернистская критика была здесь усвоена, во-первых, из-за увеличения роли незападных стран в мире, во-вторых, из-за многообразия их культур и, в-третьих, из-за превращения этого ранее элиминируемого фактора (культуры) в важнейший момент модернизации.

К политическому перформансу предшествующих этапов модерна приближается феномен *идеологии*. Она упростила многообразие связей и отношений, благодаря концентрации на защите интересов определенных классов, слоев или групп, внесла в политику присущую спектаклю целостность, энергию, целеустремленность, борьбу сил и страсть, побуждающие массы, прежде не сознающие своих интересов, превратиться в защитников представления о себе, определенного той или иной идеологией.

В 1960–90-е годы политический спектакль стал играть заметную роль в восприятии политики. Студенческие бунты на Западе конца 1960-х до сих пор не получили внятного объяснения. Формально молодежный бунт во Франции начался с того, что студента Д. Кон-Бендита не пустили в женское студенческое общежитие. Разрозненное недовольство студентов обернулось бунтом, не участвовать в котором уже оказалось невозможным. «Невозможно». Видная чиновница системы образования во Франции из семьи богатых промышленников и одновременно профессор одного из университетов рассказывала, что была заперта в квартире на восьмом этаже родителями, пытавшимся помешать ей присоединиться к бунтующим студентам. Но она спустилась по водосточной трубе на улицу, поскольку в ином случае подверглась бы остракизму с их стороны. Двадцать лет спустя она говорила: «Мы не знали, почему мы бунтуем и чего мы хотим, но сегодня я знаю, что мы сделали: мы сломали кастовую систему Франции, мы сделали стра-

¹ Alexander J. C. Performance and Power. Cambridge, Malden: Polity Press. 2011. С. 20–21.

² Alexander J. Performative Revolution in Egypt: An Essay in Cultural Power. N. Y.: Bloomsbury Academic. 2011.

³ Schmidt M. G. Political Performance and Types of Democracy: Findings from Comparative Studies// European Journal for Political Research. 2012. № 41. P. 147–163.

⁴ Шмидт К. Понятие политического// Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 60.

⁵ Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция. 2008. С. 536–565.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

ну более демократической». В Германии студенты взбунтовались, вдохновленные не столько программами, сколько идеями представителей Франкфуртской школы, которые писали свои анархически-революционные труды в 1930-ые годы. Студенты вышли на улицу с лозунгами «Требуйте невозможного», «Рай немедленно». Они шли к Франкфуртскому университету, чтобы приветствовать своего духовного лидера — ректора университета Т. Адорно, одного из лидеров Франкфуртской школы. Но он вызвал полицию. Адорно подвергся уничтожающей критике со стороны восставшей молодежи и вскоре умер от инфаркта. Его могилу студенты осквернили. Их называли отцеубийцами, ибо они поступили так с тем, кого считали своим учителем. Адорно был виноват в их глазах тем, что своими работами подвиг их к бунту, но своими действиями предал и их, и себя. Другой лидер Франкфуртской школы М. Хоркхаймер ответил на это: «Мы не думали, что наши идеи будут осуществляться бутылками с зажигательной смесью»⁶. Последующие годы предположений о конце модерна, постмодернистский подъем, имеющий глубоко эстетическую природу, усилил перформативное видение политики, недоверие к ее рационалистическим целям и поиск вдохновения в непредсказуемых, спонтанных, эстетически привлекательных ситуациях.

В конце XX века перформативные идеи политики были обожжены американским политологом Дж. Наем в концепции мягкой мощи или мягкой силы. В отличие от жесткой — военной, политической, она опирается на свой привлекательный образ в чужой стране: это — «непрямолинейный путь приложения силы. Страна может достичь желаемых результатов в мировой политике вследствие того, что другие страны хотят следовать по ее пути, подражать ей, восхищаться ее ценностями, имитировать ее пример, стремиться достичь ее уровня процветания и открытости. Это обстоятельство столь же важно для достижения целей в мировой политике, как и использование вооруженных сил или экономического давления. Кооптировать народы, а не грубо заставлять их. . .»⁷, «если Наполеон, распространяя идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса»⁸. Когда общество и культура страны-гегемона привлекательны, чувство угрозы и стремление создать контрбаланс ослабевают⁹, в то время, как потеря привлекательности обостряет отношения с другими. В частности, массовая культура — важнейшая часть «мягкой мощи».

Британский историк Н. Фергюсон характеризует «мягкую мощь» как «нетрадиционные средства давления, такие, как произведения культуры и коммерческие товары»¹⁰. Необходимыми качествами «мягкой мощи» он называет способность *заслуживать доверия и быть легитимной*¹¹.

Мною было показано, что в одних странах массовая культура изначально была направлена на релаксацию после тяжелого труда и демонстрацию символов индустриального и позднейшего индустриального производства (США), в других (Юго-Восточная Азия) она выступает как знак современного, нового и способствует развитию индустриализма, мобилизации масс к развитию производства, в третьих (посткоммунистические страны) заполняет социальное пространство массовыми образцами культуры и образа жизни, не играя роли символа индустриализма и прогресса¹².

Избрание Б. Обамы, революции в Египте и на Ближнем Востоке, события на Украине, в целом, превратилась в грандиозные спектакли, в политические перформансы. В России актерами спектаклей оказались люди, и прежде близкие к власти, якобы ставшие ее радикальными критиками, а также стремящиеся к реваншу политики. Повсюду в мире формировались спектакли в жанре трагифарса, провоцирующие ответный спектакль власти. Оставалось ощущение: «Ничего всерьез». Однако власть с серьезностью вынуждена была воспринимать и эти предвыборные спектакли, и выходку «Пусси Райот», самым большим наказанием для которых могло бы стать молчание всех и метла для уборки улиц. Большинство политических программ в российских СМИ — спектакли, шоу, сталкивающие разные силы общества и не стремящиеся ни к компромиссу, ни к точкам зрения, не являющихся крайностями. Такие точки зрения есть, но они серьезны и пригодны для кипящих страстей политического перформанса в СМИ¹³.

В работе «Перформанс политики: победа Обамы и демократическая борьба за власть» Дж. Александер показывает, что есть три типа книг, посвященных избирательному процессу: книги, написанные людьми, участвующими в выборах или организующими их; книги журналистов, освещающих выборы; книги ученых, чьи идеи направлены на достижение объективности. Себя он причисляет к новому типу авторов, объединяющих все три типа. Такие ученые смотрят на себя как находящихся и внутри, и извне избирательного процесса, изучают детали и контекст, а также сопровождающие выборы политические перформансы. По мнению Александера, Дж. Маккейн проиграл, не сумев осуществить перформанс, будучи плохим актером, в отличие даже от неопытного Б. Обамы, который не был ни национальным героем, ни человеком, связанным с военными, и играл только на площадке гражданского общества. Серьезности и героическому прошлому Маккейна он противопоставил перформанс, технологии Интернета, обращения к молодежи. Обаме лучше удалось наполнить свою кампанию эмоциями и символами, в том числе священными для Америки и противопоставить себя Маккейну по принципу бинарной оппозиции¹⁴.

Второй случай, рассмотренный Дж. Александером — Египетская «революция» 2011 года. Александер воспринимает с большим интересом и энтузиазмом события в Египте. В уже упомянутой книге «Перформативная революция в Египте: эссе о культурной мощи» он оценил египетскую революцию как

¹² Там же. С. 45–60.¹³ См.: Федотова В. Г. Перформанс и политика.¹⁴ Alexander J. C. The Performance of Politics: Obama's Victory and the Democratic Struggle for Power. Print ISBN-13: 9780199744466: Published to Oxford Scholarship Online: May-12, 2010.⁶ См.: Федотова В. Г. Перформанс и политика // Вопросы культурологии. 2013. № 6.⁷ Nye J. The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N. Y.: Oxford University Press, 2002. P. 8–9.⁸ Ibid. P. 12.⁹ Joffe J. How America Does // Foreign Affairs. September/October 1997. P. 83.¹⁰ Ferguson N. Think Again: Power // Foreign Policy. January/February 2003. P. 48–49.¹¹ См.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция. 2005.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

жизненную драму, политический успех которой зависел от «ее способности спроектировать влиятельные символы и перформансы, проходящие в режиме реального времени, сюжетно убедительных протагонистов и презренных антагонистов, стимулировать и распространить сильные эмоции, организовать достойную подражания солидарность, создать напряжение, расстроить планы врагов, одновременно очищая нацию посредством ошеломляющей победы, которая подняла бы граждан к новой надежде и торжеству их воли»¹⁵. Александр показывает важность участия коллективных символов, коллективных представлений. «Символические представления являются коллективными не в том смысле, — пишет он, — что их все разделяют, а в том, что они имеют публичный, а не частный характер. По мере того, как социальные акторы проектирует новый опыт самим себе, они проецируют этот опыт на других, на участников и на тех, кто смотрит со стороны издалека или изблизи. Коллективные представления фильтруются масс-медиа и проецируются назад — на участников или на аудиторию»¹⁶. Сегодня он, мне кажется, отнесся бы к этой революции осторожнее, учитывая отсутствие политического опыта у населения Египта и тех стран, где случились анархические вмешательства масс в политический процесс, и был бы прав в свете ужасающих событий, последовавших за фильмом «Невинность мусульман», ситуацией на Украине, но Александр писал до этих событий. Поэтому он более позитивен, утверждая, что нельзя дать объективную оценку событиям в связи с отсутствием нейтральных социальных фактов, ибо мы встречаемся не с событием самим по себе, а с представлением о том, что произошло. Это представления тех, кто был в гуще событий; тех, кто не участвовал, но сформулировал свое мнение; тех, кто против; и тех, кто не знает, как воспринять происходящее. В то время было трудно понять смысл египетской революции и прогнозировать другие массовые анархические действия. События в Египте, в других странах Ближнего Востока, на Украине уже не представляются революциями. Это — радикальный, анархический, разрушающий государства бесконечный путь противостояния, вытеснивший возможные реалистические ответы на материальные и социальные условия. Однако массовое сознание, склонявшееся к мнению, что совершается революция, поддерживалось СМИ, охотно эксплуатировавшими этот термин. Александр приветствовал революцию как очищение, идущее от масс, а значит, осуществляемое демократическим путем. На этом этапе политического бунта, анархии и архаики массовых выступлений еще не вставал антиномичный вопрос: является ли демократия *способом правления государства*, признающего объективность интересов социальных групп и ищущего компромисс между ними, или *властью народа*, его непосредственным прямым решением, представленным на деле его частью, участвующей в активном политическом действии. Опыт недавних событий на Ближнем Востоке, на Украине учит, что когда власть не в состоянии осуществить демократическую политику и способствовать экономическому развитию, вступают в действие в лучшем случае формы непосредственной демократии (референдумы, вече), не имеющие эффективности, присущей

¹⁵ Alexander J. Performative Revolution in Egypt: An Essay in Cultural Power. L., N. Y.: Bloomsbury Academy. 2011. P. X.

¹⁶ Ibidem.

представительной демократии, а в худшем случае — бунтующие группировки.

Сегодня никто уже не согласится с признанием достоинств перформанса «египетской революции», равно как и с верой в египетскую демократию. Уверенность Запада в универсальность своих ценностей поколеблена опытом массовых движений, в которых использование западных лозунгов не означало содержательного тождества с пониманием демократии на Западе и формировало как архаические образцы народовластия, так и новые диктатуры. Получены уроки невозможности демократической революции в незрелом для этого обществе, особенно в обществах, сохранивших традиционные культуры, не осуществивших перехода к модерну и не имевших опыта жизни в нем. Запад, ослепленный верой в свою универсальность, ошибочно принимает имитацию вовлечения масс в перформанс революции, заканчивающийся гражданской войной, за предпосылку демократии в незападных обществах.

Перформативные функции имеет и современный терроризм. По мнению Александра, «когда социальные перформансы заканчиваются, они становятся частью коллективной памяти, содержа репрезентации, которые в свою очередь поддерживают последующие перформансы»¹⁷. Александр показывает, что надо воспринимать терроризм не только в инструментальных терминах, но так же в терминах символического действия на сложном перформативном поле. Только в этом случае, считает он, можно понять поддержку Америкой перформансов и контрперформансов. Добавим, что в этом случае можно также понять американскую надежду на то, что все массовые движения — предпосылка демократии.

Объяснения терроризма прежнего, направленного на отдельных «виновных» лиц и нового терроризма, атакующего население, не получил объяснения своей сути. На мой взгляд, терроризм сегодня отличается от прежнего, хорошо известного в России терроризма, тем, что направлен не против лиц, которым террористы что-то вменяют вину, а против населения, стремясь использовать его страх, умноженный через СМИ, как средство давления на правительство своей страны для осуществления требований террористов во имя избежания террора. Ни социологическое объяснение (неуспешность исламских стран в условиях глобализации, разрыв богатства и бедности, отсталость), ни цивилизационный подход (столкновение цивилизаций), ни социально-психологический подход («истинно-верующие» фанатики) не дают ответа на вопрос о причинах и сущности терроризма, характеризуя лишь его отдельные черты. На наш взгляд, только политологический взгляд позволяет понять его сущность. Терроризм — это международный криминал. Но нами было показано, что вместе с тем, его действия ориентированы на выяснение того главного в выше приведенном шмиттовском определении политики вопроса: «кто друг, кто враг?». Этот вопрос всегда решало государство, стремясь умножить друзей и победить или примирить врагов. Но по мере глобализации и увеличения числа акторов в мировой политике, отхода государства от своей ведущей политической роли, ее взяли на себя архаически настроенные террористы. В противовес требованиям замены политики моралью, идущих

¹⁷ Alexander J. C. Performance and Power. P. 187.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

от М. С. Горбачева, Б. Клинтона, не государство, а террористы взяли на себя политическую функцию определять, кто друг, кто враг, архаизируя политику¹⁸. Исключив из решения этого политического вопроса государство, они оказались представителями *постполитической культуры*. В этом смысле и могут быть поняты многочисленные заголовки книг и статей о конце политики. Поэтому терроризм мы трактуем как архаическую политизацию¹⁹.

Дж. Александер рассматривает терроризм как *постполитическое явление*, пытаясь выделить типы политических культур:

Дополитические культуры — крестьянские и прочие восстания, не выражающие классовой и военной политики. Этот термин использовал так же К. Шмидт, утверждая, что народ может впасть в *дополитическое, догосударственное, этноцентристское* состояние. Наиболее подробно тема дополитического разработана Э. Хобсбаумом. Он изучал дополитические движения, которые не могли захватить политическую власть, но уже имели политическое сознание. Это — «робин гуды», «социальные бандиты», анархисты, бунтари²⁰. В России — стихийные движения народа, бунты, восстание Пугачева, например, стремившиеся сохранить устройство общества и государства в имеющемся виде с заменой царя на лучшего.

Постполитические культуры — современный терроризм, отражающий предел политической возможности. Постполитическое, отмечает Александер, — это глубокий опыт политической неспособности к политическим изменениям, который выражается не только в культурных и метафизических смыслах, но в жадном желании властвовать и проявить собственные амбиции в строительстве уммы великого арабского мусульманского государства²¹ или других целей, недостижимых неполитическим путем. Это — возврат к архаике и анархии²².

К этому нам следует безусловно добавить *политические культуры*, включающие взаимоотношения общества, социальных классов, групп и государства.

Отметим, что хронологически порядок изложения этих типов политических культур иной: дополитическая, политическая и постполитическая культуры. Если в дополитической культуре основой является традиционная архаика, то в постполитической — ее реанимация, связанная с уменьшением роли государства в глобальном мире, с неэффективностью государственной политики во многих странах, с недовольством масс. Т. е. в своей сущности постполитическая культура сходна с дополитической стремлением к бунту, восстанию масс, недоверием к государству и противопоставлением своей воли и активности политическим институтам там, где они есть.

Механизм динамики ценностей как фактор обновления политических культур

Ценности *дополитической, политической и постполитической культур* сегодня причудливо смешаны. Массы пре-

тендуют на постполитическое участие в форме прямой демократии и дополитических форм — вече и пр. Есть случаи, при которых массовое участие и формы непосредственной демократии выступают как специфические, но зрелые формы политической культуры, не отличающиеся дополитическим и постполитическим характером, ибо обращены к диалогу с государством. Это случается, например, в демократии небольших государств. Как показывает немецкий исследователь М. Шмидт, наиболее важные достижения непосредственной демократии присущи Швейцарии. Она открывает клапан безопасности в отношении недовольства и протеста, создает высокий уровень удовлетворенности избирателей и вносит большой вклад в строительство швейцарской коллективной идентичности. Говоря о «своеобразных сильных референдумах демократии» в Швейцарии, М. Шмидт подтверждает высказанную нами ниже мысль об отсутствии универсальных моделей политической культуры и свидетельствует о недостаточной разработанности представлений о ней в связи с различием типов демократий, стадией их развития²³. К «слепым пятнам демократии» он относит отсутствие интереса к политическому прошлому и к анализу пережитков политической деятельности, отсутствие связи проблем демократии с экономическим развитием и разрывы демократии в экономически менее развитых государствах, различие разных типов демократий в способности выполнять свои функции, а так же наличие гибридных демократий и политических культур²⁴, о чем пишет так же А. Лейпхарт²⁵. По мнению М. Шмидта, важно различать политические процессы в «установленных конституционных демократиях» и частичных демократиях²⁶.

Но в дополитических и постполитических культурах, которые есть в любом обществе, государство не всегда способно конкурировать с этой архаически-анархической парадигмой постполитической культуры.

Конфликт ценностей, их быстрое изменение и не всегда в лучшую сторону, разрыв в сфере ценностных ориентаций поколений вызваны быстрыми социальными изменениями, усилившей динамикой общества. Исследуя ценностные изменения, я пришла к ряду выводов:

- неудовлетворенность ценностным состоянием общества ведет к призывам найти «подлинные ценности», сформировать новые, ориентированные на общее благо и гуманизм.
- ценности — часть объективного мира, их не легче изменить, чем технологии или политический строй, они «упорны», если установились, и неустойчивы в периоды социальных трансформаций.
- в феноменологии описаны процедуры, которых могут работать в направлении перестройки ценностей. Это — типизация (разделение «плохого» и «хорошего»), хабиутализация (опривычивание «хорошего»), институционализация (закрепление норм и поддерживающих их институтов), легитимация (оправдание делаемого выбора, так как при кри-

¹⁸ См.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция. 2005.

¹⁹ Там же. С. 280–298.

²⁰ Hobsbaum E. Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Manchester: Passim. 1959. P. 2–3.

²¹ Alexander J. C. Performance and Power. P. 160

²² Федотова В. Г. Архаизация в современном мире // Философские Науки. 2012. № 5.

²³ Schmidt M. G. Political Performance and Types of Democracy. P. 148.

²⁴ Ibid. P. 149.

²⁵ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительные исследования. М.: Аспект Пресс. 1997.

²⁶ Schmidt M. G. Op. cit. P. 150.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

зисе ценностей хорошее не самоочевидно), передача новых ценностей следующим поколениям²⁷.

– нет механизмов ценностных изменений, которые являются универсальными.

В монографии «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества»²⁸ нам (авторам данной книги) удалось выделить имеющиеся в научной литературе приемлемые модели механизмов ценностных изменений. Например, у немецкого исследователя П. Вагнера, финского ученого П. Сулкунена. Эти механизмы были применены к сегодняшним процессам формирования политической культуры. Нас привлекли также идеи известных отечественных философов Л. А. Микешинной, А. С. Ахизера.

Л. А. Микешина показала, что смена ценностей не обходится без конвенций²⁹. Но и сами ценности могут стать следствием конвенций, по крайней мере, в период ценностного кризиса. По мнению П. Вагнера, могут быть применимы механизмы конвенционализации³⁰. Вагнер вводит следующую схему ценностной динамики: согласие общества по большинству принятых ценностей, называемое им *ценностной конвенцией*. Со временем или в ходе происходящих процессов конвенции начинают разрушаться. Наступает кризис, невозможность жить в старых ценностях при одновременном отсутствии новых ценностей. Кризис может быть продолжителен, но рано или поздно появляются новые ценности, объединяющие общество, и этот процесс называется *реконвенционализацией*³¹.

Мы построили эту модель анализом реальных кризисов между первой и второй, второй и третьей современностями, критикой ожиданий от новой, третьей современности, которая не оказалась либеральной и определена нами как *новое Новое время для западных стран*. Речь идет о вступлении в капитализм или хозяйственную демократию (и третью современность) западных стран — России, Индии, Китая, Бразилии, Индонезии и др. Эта эпоха стала новым Новым временем для них, подобно тому, как прежде Новое время открывало перспективы Запада³².

Казалось, что старые ценности «повинны» в том, что не могли себя ограничить, закрыли горизонт ценностным инновациям, что Запад XIX в. уверовал в естественность и правильность своих *либеральных ценностей*, если говорить о ценностном содержании *политической культуры первого модерна*. После Первой мировой войны старый мир оказался разрушенным, хотя было трудно поверить в возможность появления нового мира. Но он возник, причем в форме, оппозиционной к прежде

существующей — как *вторая организованная современность*, начавшая складываться на Западе с 1920-х до конца 1960-х. Набирали силу *ценности организации* — возрастание роли государства, попытки уйти от революционного опыта России путем организованной деятельности *социал-демократии и характерной для нее политической культуры*, через развитие техники и прихода к власти новой организующей силы — технократии, торжества новой формы целерациональности, представленной техникой, технологией, технократией и бюрократией.

Реконвенционализация дала жизнь ценностям, отрицавшим прежние, и не вследствие проектной деятельности ученых или внедрения новых конструктов повседневного сознания, а преимущественно в ходе естественной эволюции, незабытых ужасов войны, страха перед отсутствием социального порядка, смены картины мира.

Далее мы обратились к кризису конца 1960-х—конца 1990-х, обозначив его продолжительность, в отличие от Вагнера, столь длительным периодом. Мы выделили в нем процессы, которые этим исследователем не были обозначены: студенческие движения на Западе, подъем экономики Японии, виртуализацию экономики. Ни одно из этих явлений не было предвидено, не вошло в парадигмы двух предыдущих современностей, не могло быть описано существующими когнитивными средствами и привело к идеям конца модерна, перехода к *постмодернизму*, *политической культуре которого состояла в критике позднего капитализма и реанимации дополитической и постполитической культур*. Революционные устремления посткоммунистических стран к либерализму в 1990-ые годы были попыткой *реактуализации* и частично *реинтерпретации* либеральной современности XIX века, противостоящей ироничному постмодернизму новым утверждением должного, нужного, единственно возможного, того, чему «иного не дано» — *реанимации либерального политического сознания XIX века* в форме *политической культуры неоллиберализма, неомодернизма*. Только после провала этих двух курсов — неомодернизма и постмодернизма и их ценностных мотиваций — усилия выйти из кризиса ценностей привели к результату. Он состоял в формировании *новой, третьей современности* (вместо ожидаемой постсовременности или возврата в модернизм XIX века). Для третьей современности характерны идеи *экономического роста, национального самоутверждения западных стран, сочетающих свою культуру с национальными моделями модернизации, принимающими вестернизацию по мере необходимости для решения собственных проблем, с новыми возможностями Интернета и индивидуального творчества. Политическая культура этого этапа состоит в признании ее частью культуры своей страны*.

Но каковы теоретические возможности понять, что прерывает устоявшийся ценностный порядок и толкает к кризису ценностей?

Тут решающую роль имеет *объективный характер ценностной динамики, разгадка которой заложена в истории, и проблема сатурации (насыщения) общества*. Идеи естественно-исторической эволюции общества присутствуют во множестве сценариев будущего, как мирового, так и российского. Но при этом осознана нелинейность процесса развития, прохождение через точки бифуркации, меняющие траектории развития.

²⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 2004. С. 31–72; Покровский Н. Е. Проблема аномии в современном обществе. М.: МГИМО. 1995. С. 422–457.

²⁸ Федотова В. Г. Хорошее общество. С. 98–153; Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция. 2008. С. 208–213, 228–233, 361–276 и др.

²⁹ Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М.: Росспэн. 2007. С. 151.

³⁰ Wagner P. *Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. L., N. Y.: Routledge. 1994. P. 31–72.

³¹ Ibid. P. 30–80.

³² Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Указ. соч. С. 536–558.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

Однако идеям нелинейности и неопределенности естественно-исторической эволюции противостоит социально-технологический пафос, социально-технологические инициативы, сознательно произведенные инновации в социальной сфере.

Возвращаясь к поставленному вопросу о том, как теоретически можно представить причину неприемлемости ценностных систем на определенном этапе, мы нашли заимствованную у П. Сорокина финским ученым П. Сулкуненом интересную мысль о сатурации (насыщении)³³. У Сорокина это была мысль-метафора, характеризующая имманентные причины социальных изменений. Сулкунен превратил эту метафору в концепт³⁴. Он обращает внимание на столкновение жизненных стилей, вкусов, хобби, создающих своего рода «племенные ассоциации»³⁵, что приводит к появлению в обществе ситуации политической апатии или, в наших терминах, рождает *постполитическую* культуру, в которой государство не играет роли центра социальной интеграции и ядра политической культуры. Во многом именно насыщение ведет к тому, что «моральная связь между государством и гражданами нуждается в том, чтобы аккомодировать автономию и интимность индивидов... Такая перестройка связи вписана в путь государства, структурирующий его власть через организацию граждан»³⁶, в том числе через их жизненные стили, ценности и пр. Если перевести сказанное в наши термины, Сулкунен фиксирует только *постполитические* социальные контракты и культурные феномены, беспорядок, жизненные стили и регуляцию на их основе, взаимоотношения природы и культуры. Он отмечает также приоритет социального над индивидуальным и над политическим, тенденцию к самостоятельному политическому самоопределению общества (self-policing society), но сам же задает вопрос о том, а каким образом общество, основанное на раннеобразии жизненных стилей, рассматривает общее благо, становящееся проблемой, и этические регуляции оснований жизненных стилей. Моральный авторитет государства становится при этом немислимым. Сулкунен отмечает, что идея контракта автономных граждан не возникла с начала капитализма. Она состояла прежде в развитии их рациональности в течение двух десятилетий³⁷. Но, сделав вывод, сегодня иное время — время постполитической культуры, избравшей жизненный стиль в качестве главного аргумента, подтверждающего свободу индивида. Мы получаем вторую постполитическую форму культуры, наряду с выше обозначенными массовыми движениями, противостоящими государству или решающими за него или без него, это индивидуальный или коллективный изоляционизм групп разных жизненных стилей — «культурное племя» — вместо этноса, нации, класса, не интересующееся государством.

Социальный контракт в теоретическом плане явно синонимичен ценностному консенсусу, обеспечивающему обще-

ственные связи и доверие. Как отмечает известный экономист А. Аузан, «социальный контракт — это, в конечном счете, некоторые устойчивые долгосрочные правила, которые иной основы, кроме широкой конвенции, никогда не имеют и не будут иметь»³⁸.

Поскольку люди часто склоняются к переговорным концепциям социального контракта, к «возможностям договориться», для них вопрос об идентичности является вопросом о том, кто может говорить от имени всех граждан России. На наш взгляд, конвенции, социальный контракт, ценностный консенсус, российская идентичность не сложились после кризиса 1990-х, не произошла реконвенциализация ценностей. Ценностный кризис не преодолен. Аузан пишет: «А что главное в этом процессе? Совместные ценности формируются, когда мосты строятся не вдоль рек, а поперек, когда между собой общаются разные группы, сопоставляющие ценности, и тем сам вырабатываются не ценности групп, а ценности нации»³⁹. «Мосты поперек реки» — это метафора продуктивной осмысленной деятельности. Но мне представляется, что переговорный процесс в пределах нации вряд ли возможен и продуктивен. Хотя бы потому, что социальный контракт никогда не формировался и не мог быть сформирован подобным образом: противоречия возникают между элитными группами бизнеса и власти, и именно их отношения являются наиболее инструментальными.

Таким образом, можно заключить, что смена ценностей путем механизма реконвенциализации тесно сопряжена с такими понятиями, как сатурация, аномия, травма, социальный контракт, идентичность. Дополитическое смешивается с политическим и постполитическим на этих рубежах. Философия в начале нового века встала перед проблемами, которые именно ей предстоит решать. Здесь также много работы культурологам, еще не сказавшим своего слова. И эти события реанимируют чрезвычайную актуальность проблемы политической культуры и политической модернизации.

Изменение ценностных конвенций, кризис и реконвенциализация политической культуры можно проиллюстрировать примером.

В 1920–30-ые годы в СССР сохранилось достаточное количество философских школ, знаменитых философов (Г. Г. Шпет, В. Ф. Асмус, А. Ф. Лосев, А. М. Деборин и много других). Но далее пришли люди с идеями революционной целесообразности, не понимающие значимости философских исследований, которые ответственны за этап выхолащивания философского знания политической пропагандой, примитивными схемами, идеологическими догмами. Их понимание целесообразности в революционной форме привело к потере философией СССР своей высокой компетентности на несколько десятилетий.

В конце 1940-х годов вопросы профессионального философского знания превратились в политическую проблему, что можно видеть в дискуссии по книге Г. Ф. Александрова по истории западноевропейской философии. Во время Великой отечественной войны в Институте философии РАН издавались труды И. Канта. Стремилась показать, что мы воюем не с немецким народом, а с Гитлером. А немецкий народ остается уважаемым

³³ См. подробнее: Федотова В. Г. Механизмы ценностных изменений общества. // <http://www.intelros.ru/subject/figures/valentina-fedotova/9908-mexanizmy-cennostnyx-izmenenij-obshhestva.html>

³⁴ Sulkunen P. The Saturated Society. Governing Risk and Lifestyles in Consumer Cultures. Los Angeles, L., New Delhi, Singapor, Washington: Sage, 2010.

³⁵ Sulkunen P. Ibid, P 19.

³⁶ Ibid. P. 41.

³⁷ Ibid. P. 8.

³⁸ Договор 2008: новый взгляд. Обсуждение книги Александра Аузана. <http://www.polit.ru/lectures/2007/06/28/dogovor2008.html>

³⁹ Там же. С. 4.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

в лице своих лучших представителей. М. Митин и П. Юдин, два академика, близкие к верхам и представлявшие с 1930-ых годов революционную целесообразность упрощения философии, рекомендовали книгу Г. Ф. Александрова по истории западноевропейской философии на Сталинскую премию. Ее автор был ведущим человеком в Управлении пропаганды и агитации, кандидатом в члены ЦК ВКП(б), имевшим большой политический вес. Но через некоторое время рядовой профессор МГУ З. Я. Белецкий послал Сталину письмо, в котором гневно выступил против концепции Александрова, полагая, что возвеличивая Канта и Гегеля, Александров восславляет аристократическую реакцию Германии против Французской революции. Белецкий видел в этом антиреволюционную направленность мышления Александрова. Неожиданно Сталин поддержал Белецкого. Это удивило всех, поскольку он сам способствовал присуждению труду Александрова Сталинской премии второй степени. Стали обсуждать эту ситуацию со всех сторон, были проведены в Институте философии заседания. Первое заседание, на котором шла критика идей Александрова, состоялось в январе 1947 года. Многие мгновенно приспособились (такая приспособительная реакция и сегодня является одной из причин кризиса взаимодействия науки и управления, который мы сегодня имеем), и протокол этого заседания стал политическим протоколом: в книге слишком возвеличена старая философия и недооценено то, что марксизм совершил переворот в истории философии, что теперь марксистское учение — самое главное учение, которое может быть. Была назначена новая дискуссия, на которой должен был выступить А. А. Жданов. Сталин, отвечая Жданову, сказал, что философия стала научным оружием в руках пролетарских масс. Александров согласился учесть замечания, иначе расставить людей в руководящих организациях в области философии, согласился с обвинениями Белецкого по поводу немецкой классической философии. Возникает вопрос — почему столько страстей и шума, когда в послевоенной стране существует множество практических проблем? Этим делом без конца занимается ЦК, ни одно письмо не минует Жданова и Сталина, даже какой-то инженер написал, что оскорблен возвеличением немецкой классической философии. Ничего национального в этом нет, подтверждается уважение к немецкой нации, но декларируется неуважение к немецкой классической философии, которая должна быть чужда новым революционным преобразованиям в философии.

И кто такой Белецкий? Белецкий — революционер, в семнадцать лет он «ушел в революцию». И сохранил революционный дух до того времени. Белецкого многие возненавидели. Он был изгоем. Он был горбат. Он был злой. Он был непреклонный. Но он был единственный, кто не приспособивался. Термидор революции начался позже, а в период этой дискуссии оставались люди с революционным накалом и революционным пониманием мира, каким и был несгибаемый Белецкий, которого потом все-таки уволили. Однако революционная целесообразность со стороны нового ее адепта — Белецкого не получила поддержки философского сообщества. Это означает, что общество в целом уже вышло из фазы революционного мировоззрения. По моему мнению, *это можно трактовать в качестве предпосылки нового проекта общества*. Всеобщая нелюбовь к Белецкому, которая возникла в философской среде,

говорила о том, что *конвенции революции уже разрушены*. Всякие большие перемены связаны с тем, что некие укорененные конвенции, договоренности, принятые вначале, может быть, с трудностями, начинают расшатываться, испытывают кризис, а потом ломаются, и им на смену приходят другие. Если для Белецкого теория познания — это всего лишь путь к идеологии, и должны быть контролирующие инстанции, которые потребуют от каждого следовать ей, то общество уже этому не подчинилось. Общество разрушило эти революционные конвенции, и 1960-е годы начинаются с своего рода «релаксации» в сравнении с годами революционного накала.

Мне кажется, единственным революционным актом, который произошел после войны, актом старта новой политической культуры, был отказ от революционных конвенций в обществе, прежде всего, у интеллектуалов, у философов. К этому привела своего рода феноменология сознания пятидесятников. Это был результат победы в войне и вызванных этим трансформаций в сознании людей. Поколение семидесятников оказалось отчасти пропущенным. Поэтому меня очень занимает вопрос о том, как обеспечить адекватную эпохе конвенцию ценностей. Белецкий и Сталин говорили о том, что интеллигенция должна преодолеть свой отрыв от трудящихся и от задач, которые стоят перед обществом. Интеллигенция, занятая в сфере умственного труда, действительно производит абстрактные проекты, а философы — самые абстрактные проекты, и важны, безусловно, какие-то изменения в подходах, для того, чтобы потом не выдать эти абстракции за истину в последней инстанции, за то, что надо немедленно реализовать. Мы уже столько раз производили такие проекты, в том числе и либеральный проект 1990-х годов, который был сформулирован самым революционным образом: «Иного не дано». Это была снова революция, а не реформа.

Итак, потребовалось время, чтобы дать простор саморазвитию философии и социальной науки. Повторяются, однако, некоторые старые истории.

Сегодня пришли сторонники новой, *упрощенной целесообразности, именуемой* «эффективность». И естественная, и социально-гуманитарная наука, и философия не могут быть подвергнуты тому же менеджменту, что и производство, и продажи. Сегодняшний менеджер, в котором воспитана в последние годы самоуверенность пиарщика, экономиста или юриста, ошибочно полагается на универсальность менеджмента. По мнению классика экономической мысли Ф. Хайека, есть сходство между рынком и наукой — они способны произвести нечто совершенно новое, чего никто даже не мог предположить. Отрицание непредвиденных важных результатов профессиональной деятельности напоминает идола революционной целесообразности требованием дать эффективные немедленные результаты.

Среда для некачественных работ в науке и некачественного образования подготовлена чиновниками, верящими в эффективный менеджмент, подобно тому, как сторонники революционной целесообразности верили в эффективность своей деятельности. Новые упростили не способны комплексно изучить международный опыт организации образования и науки, надергивают то, что по их мнению, эффективно. Например, в России, по сути, закрывается образовательная возможность

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

для людей, не способных платить за образование, тогда как, по свидетельству ректора Гарвардского университета Дерек Бока, студенты сдают вступительные экзамены в университет безо всякой обусловленности оплатой. Только прошедшие конкурс дифференцируются по способности платить, и многие не платят, а даже получают стипендию. В Норвегии студентам предлагается кредит, которые они должны будут выплатить через несколько лет после окончания университета, заработав в профессиональной деятельности. Провинция перестает в нашей образовательной политике быть местом подготовки высококвалифицированных кадров и, тем более, научной деятельности. В Италии 1976 года при обострении кризиса, наличии террористов ни одна партия не решилась выдвинуть идею выбрасывания студентов на улицы, полагая, что молодежь в условиях кризиса — порох улиц, поэтому молодежь записывали без экзаменов в университеты. Не стоит думать, как недавно высказался министр образования, что мы, не уехавшие из страны и получающие небольшие деньги, просто не сумели продать себя на Западе. На свой непросвещенный псевдотехнократический лад трактуя практическую целесообразность *новые сторонники «менеджеризма эффективности»* и пока не боятся суда истории, т. к. ничего не знают о том, что он был и будет.

После Второй мировой войны революционеров осталось мало. Большинство мыслило уже в терминах гражданской жизни, и, как пишут многие, приспособилось к существующей реальности. Мы видим тут типичный пример революционной конвенции — кризиса — реконвенционализации, перешедшей от революционаризма и революционности к ценностям устоявшейся жизни, личной жизни и пр. Политическая культура *пролетарского революционаризма завершала свое существование*. Поэтому шестидесятники, представляющиеся многим революционерами, являются теми, кто как раз покончил с идеями революционной целесообразности, перешел из кризиса к новой ценностной парадигме. В этом был и определенный когнитивный подход, где новые конвенции начали вытеснять революционную целесообразность.

Когнитивные предпосылки различия массовых политических и постполитических практик, политических культур

Дж. Александер показывает, что науки об обществе участвуют в социальной жизни и как тексты для чтения, и как перформанс. В статье, написанной им совместно И. Ридом, показывается, что культурно-социологическое понимание эпистемологии делает социальные науки частью спектакля общественной жизни. Теоретические исследования «хранят молчание» по поводу эмпирических результатов, доминирующих сегодня в социальных науках, но считаются необходимыми для адекватного понимания эмпирического материала, для эпистемологических гарантий доказанности результатов. Александер и Рид противопоставляют этому свое понимание, требующее «кристаллизации культурного базиса» эпистемологии и социальных наук. Это достигается, по их мнению, с помощью социологии культуры и интерпретативной философии. Задачу социальных наук они видят в раскрытии значимости социального мира и перформансов стремления к истине, ограниченного эмпи-

рическими свидетельствами. Результаты социальных наук — продукты деятельности исследователя, а не открывшиеся ему онтологии, позволяющие ему изучать мнения, действия, отношения и структуры, — так формулируют они свою радикально конструктивистскую позицию. Успешные объяснения соединяют структуры значения исследователя с действующими акторами⁴⁰. Данное высказывание раскрывает характерный для этих исследователей отказ от примордиальных, натуралистически-эссенциалистских представлений, направленных на познание мира, и безусловное доминирование конструктивистских парадигм. Оно утверждается без какой бы то ни было реакции на имеющуюся в настоящее время критику когнитивного антагонизма между конструктивизмом и натуралистическим эссенциализмом и господствующее сегодня убеждение о необходимости их совместной работы⁴¹. Движение от натуралистически-эссенциалистского подхода к конструктивистскому и далее к их совместным применениям сегодня обосновано⁴². Даже кажущиеся спонтанными социальные действия получают разную интерпретацию а разных парадигмах исследования: натуралистический эссенциализм направлен на познание объективной социальной реальности, поиск закономерностей, квалификацию типов социальных движений, зависящую от их сущности и целей; конструктивизм сделал семимильные шаги к попытке признать множество интерпретаций и путей преобразования. Третий подход устанавливает взаимоограничивающую связь натуралистического эссенциализма и конструктивизма.

Концепт перформанса возник на базе когнитивных представлений о связи идеологий и теорий, которые либо предшествовали идеологиям, либо следовали из них. Так, К. Маркс в своей теории классов и классовой борьбы, в которой и пролетариат, и буржуазия трактовались как не имеющие отечеств, как преследующие лишь защиту классовых интересов, вынес за скобки национальные противоречия и конфликты, обращение к которым подорвало бы центральную роль классового конфликта и стремление к социальной революции.

Как мы уже показали, Дж. Александер опубликовал немало трудов, где перформативная сторона власти и политики, не требующая другой политической культуры, кроме перформативной, стала предметом специального рассмотрения⁴³. По его мнению, культура и политика, подобно черному и белому, символизируют полярность и стереотипизацию теорий: культура — внутреннее, индивидуальное, связанное с волей и энтузиазмом, власть — внешнее, объективное, калькулируемое и выбираемое. В действительности же культура и власть смешиваются друг с другом, ибо отделение власти от «значений», смыслов и производство последних в культуре затрудняет для

⁴⁰ Reed I., Alexander J. Social Science as Reading and Performance. A Cultural-Sociological Understanding of Epistemology// European Journal of Social Theory. 2009. № 12(1) P. 21–41.

⁴¹ Федотова Н. Н. Теоретическая рефлексия динамики идентичности: формирование процессуальной теории. Автореф. дис. д. с. н. М.: МГИМО У (Мид России). 2013.

⁴² См., например: Неретина С., Огурцов А. Реабилитация вещи. СПб.: Издательский дом : Мир. 2010.

⁴³ Alexander J. C. Performative Revolution in Egypt. An Essays in Cultural Power. N. Y.: Bloomsbury Academic. 2011; Alexander J. C. Performance and Power. Cambridge, UK: Polity. 2011.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

политиков успешность выборов. Политики с трудом репрезентируют надежды, страхи и мечты людей, которые должны их избрать. Перформанс заполняет поле значений и смыслов и входит в состав как политических технологий, так и спонтанных акций. Произошедший отказ от связывания социальной реальности с метафизическими основами, ритуализирующими политику, привел к тому, что ничем незаполненное пространство между властью и политикой стало заполняться трагифарсами перформанса. Перформанс отделяет публику от знаний и размещается в пространстве между властью и культурой, считает Дж. Александер, выступает как многообразие смеси акций и разрывов, текстов, способных вдохновить публику. Политические оппоненты борются за отделение действий от знаний, делающих их искусственными⁴⁴. Это отделение от знаний рождает власть культур, культурную прагматику символических действий, определяет место перформанса между ритуалом и стратегией, создает перформативный протест, перформативный терроризм, войну и перформанс в Афганистане и Ираке. Культур-социология Дж. Александера утверждает по существу замену рациональной политики, основанной на знании, движением различных социальных слоев под влиянием своей культуры, эмоций и символов. Культура, как он утверждает в ряде работ, представляет, генерирует активность, информация о которой отфильтровывается СМИ и в новом виде возвращается к участникам перформанса. В завершении своей работы о египетской весне, Александер говорил о том, что произошедший на площади Тахрир перформанс произвел очищение, после которого Египет должен двигаться вперед демократическим путем. Сегодня видно, насколько это получилось не так, насколько *постполитическое стремится к вытеснению политического*. Демократия в конструктивизме такого рода не является ни формой осуществления политики государством, ни властью народа как отражением его интересов государством и наличием его представительства в его органах, стремлением к гражданскому обществу, а выступает как признание правоты массовых движений, какими бы они ни были. Отрицается политическое во имя реанимации дополитического и постполитического. Перформанс в лучшем случае соединяет человеческие творческие возможности со сложившейся ситуацией, многообразием трактовок которой выступает в качестве достижимой на данное время объективностью. Он вносит человеческое измерение в познание, как и сознание масс в политику, никогда не являющуюся объективной и весьма перформативной сама по себе.

Идея перформанса противостоит как объективистским притязаниям на знание, так и проективной самонадеянности. Чтобы рассуждать о проекте, надо вспомнить: *во-первых*, что слово «проект» попало в философско-социологическую литературу преимущественно с 1980 года. Оно было приведено в речи Ю. Хабермаса во Франкфурте-на-Майне при вручении ему премии Т. Адорно. Его речь, многократно перепечатанная впоследствии по всему миру, называлась «Модерн — незавершенный проект». Приведу слова Хабермаса, сказанные по поводу проекта: «Проект модерна, сформулированный в XVIII в. философами Просвещения, состоит ведь в том, чтобы неуклонно развивать

объективирующие науки, универсалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их *своевольной природы* (курсив мой. — В. Ф.), но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т. е. для разумной организации жизненных условий...»⁴⁵. Ясно, что в этом контексте слово «проект» означает не более, чем способность применять теории на практике, чему должна соответствовать компетентность элит.

Во-вторых, слово «проект» в большей мере отбрасывает вторую сторону — «своевольную природу» исторического процесса, одним из проявлений которой является его естественно-исторический ход, а так же политический перформанс как попытка творческого акта человека или групп. В докладе М. Ремизова «Консерватизм и современность» на Семинаре «Интеллектуальные основы государственного управления» 23. 04. 2010, слово «проект» употребляется в жестком смысле: «современное общество обречено на *проектный* способ существования». Но модерн оказался в действительности незавершенным процессом, скорее, чем проектом, по логике которого *сегодня развивается весь мир*. И эта логика внесла в него многое, связанное с постмодернистской гибкостью и неопределенностью, необъективностью и непроектностью, синергию и анархию.

В число средств, отвечающих на падение нашей познавательной и практической самоуверенности, сегодня входит перформанс. В большой мере он выступает как инструмент апробирования имитационной модели гражданского общества в условиях его массового характера. Вопрос этот совершенно не изучен. Перформанс чаще всего способен предоставить возможности участия в политике непрофессионалам. Но это чревато тем, что не профессиональные, не доверяющие власти люди могут привести ситуацию к анархическому бунту, гражданской войне, погромам. Важно понимать под проектом не программу деятельности, а что, что под ним действительно понимает Ю. Хабермас: «...современные науки производят знания, по своей форме (а не по субъективному устремлению) являющиеся *технически применимым знанием, хотя в целом возможности технического применения этого знания проявляются лишь задним числом*»⁴⁶ (курсив мой. — В. Ф.). Но перформанс этому противостоит. Он увлекает людей самодеятельностью и значимостью их массовых спектаклей. Может быть он в ряде случаев — школа непосредственной (но не представительной), демократии, реакция на отсутствие демократии как формы правления, но в других — школа раскола общества, анархии, архаических форм политического, что означает переход к постполитическому.

Политическая культура стала предметом интереса философии, философии политики и политической науки. Подобно тому, как культура представляет собой множество символических программ человеческой деятельности, политическая культура есть особый тип ориентации на политическое действие, отражающий как специфику каждой политической системы, так и ценности общества, их философское оправдание и критику. В ее толковании сошлись представления о динамике цен-

⁴⁵ Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992, № 4. С. 45.

⁴⁶ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис. 2007. С. 79.

⁴⁴ Alexander J. C. Performance and Power. P. 4–5.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

ностей и одновременно о когнитивных и парадигмальных изменениях.

Даже сегодня стоит вопрос о том, кто должен изучать и заниматься построением гражданского общества, социальные философы или политические философы. На мой взгляд, философ политики стремится построить гражданское общество всегда. Социальный философ рассматривает условие его построения при наличии разнообразия социальных сред с разными политическими культурами. Иными словами, «для понимания власти в государстве социальная наука должна обратиться к восприятию власти обществом»⁴⁷, равно как для восприятия власти в обществе необходимо обратиться к власти в государстве.

Авторы статьи «Политическая культура» упоминают два события, раскрывающие ее современное понимание — «переход от формулы абсолютизма Людовика XIV «Государство — это я» к «We are the People» (Мы — народ)»⁴⁸. На этом перекрестке «государство-общество» и существует политическая культура или, точнее, политические культуры. Отрыв государства от общества ведет к его самовластью, подрыву политической культуры общества. Отрыв общества и масс от политического, т. е. связанного с государством и требованиями к нему, ведет к анархии и архаике, к отказу от политического в пользу постполитического.

Образцом изучения политических культур, на мой взгляд, был ее анализ американскими учеными Г. Олмондом и С. Вербой. Социальным контекстом для них стали события, связанные с различиями и трудностями развития демократии в пяти странах — Германии, Италии, Мексике, США и Великобритании. Обсуждая типы политических культур, они ориентировались на структурно-функциональную концепцию Т. Парсонса, которая характеризовала западный мир как стабильный мир рациональности, связанный с институтами, выраженный в схеме рациональности AGIL (адаптация, достижение цели, социальная интеграция, создание культурного образца). Институты предполагали производство индивидов с определенным набором норм, ценностей и установок, которые Парсонс называл культурой. Эти индивиды, в свою очередь, сами поддерживали институты. Но данный путь был далек от возможности иметь дело с поведенческими характеристиками. Для работы с эмпирическими фактами Олмонд и Верба обратились к бихевиористским концепциям, с их концепциями норм, ценностей и установок, создав на основе двух указанных направлений свою парадигму изучения и формирования политической культуры. В конечном итоге, они дали «агрированный образец субъективных политических диспозиций (предрасположенностей) населения (а на мой взгляд не только субъективных, но и заданных социальным местом разных слоев общества и соотношением этих слоев в разных обществах. — В. Ф.), таким образом инкорпорируя и операционализируя ... концепцию политической культуры»⁴⁹, соединили натуралистически-эссенциалистские и конструктивистские подходы.

Были и другие концепции. Антропологи М. Мид и Р. Бенедикт основывались на подходе, соединяющем культуру и личность. Согласно ему, члены разных обществ вырабатывают разные типы личностей, которые ориентированы на разные типы политических программ и институтов. Из антропологических представлений об авторитете в семье у Т. Адорно выросла концепция авторитарной личности. Однако смена парадигм социального знания — переход к многочисленным конструктивистским парадигмам, в частности, символическим (Дж. Александер и др.), за отсутствие которых критикуют Г. Олмонда и С. Вербу сегодня, представляется неверным, т. к. в их концепции примордиализм, объективность политических культур соединена с проблемой их выращивания до демократических форм и, следовательно, конструирования демократической политической культуры при учете ее объективных предпосылок. Это сделано с большим реализмом, чем концепция перформанса, в которой любование символической формой затемняет оценку содержания. Есть континуум участия народа — от пассивного до активного, ученых — от натуралистического до конструктивистского, в обоих случаях связанный с различными формами легитимности.

История изучения политической культуры после Олмонда и Вербы предстает как когнитивная история смены парадигм социального знания, которая связана с переходом от примордиальных представлений к конструктивистским, от признания исходной реальности к формированию сколь угодно отличной от нее. Сегодня мы не можем ответить на вопрос, как происходит на самом деле, поскольку это вопрос потерял смысл. Это одна из причин перехода к науке, формирующейся под влиянием внешних целей, который сегодня приобретает актуальность.

Таким образом, глубокая связь политической культуры в теоретическом и практическом смысле с социальной философией подтверждается значением ценностных изменений и когнитивной перестройки концепций.

Развитие идеи гражданского общества

Политическая культура современности связана с демократией. Согласно С. Хантингтону, *первая волна демократии* относится к США начала XIX в., она продолжалась до окончания Первой мировой войны, завершившись идеей Лиги наций В. Вильсона, консолидировавшей западные демократии. *Вторая волна* поднялась после поражения фашизма во Второй мировой войне. Она привела к появлению демократий в Европе (в Германии, Италии и пр.), а также в ряде деколонизированных стран. *Третья волна связана с посткоммунистической модернизацией*. Хантингтон подчеркивал, что политическая стабильность возможна при наличии адекватной институционализации, способной обеспечить консолидацию. Однако в странах новой демократии трудно провести четкие разделительные линии между высоко организованными политическими структурами и дезорганизованной политикой, между участием и неучастием масс в политике⁵⁰, добавим, между предполитическим, политическим и постполитическим поведением и соответствующим им формам политической культуры.

⁴⁷ Olick J., Omelchenko T. Political Culture// The International Encyclopedia of the Social Sciences. Detroit: Macmillan/ Thomson Gale. 2007. С. 300.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibid. P. 301.

⁵⁰ Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven, L.: Yale University Press. 1968. P. 78.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна / Valentina FEDOTOVA

| Три типа отношения к политике: дополитическая, политическая и постполитическая культуры |

Политическая культура гражданского общества (либо необходимая для построения такового) была названа Г. Олмондом и С. Вербой гражданской культурой или гражданской политической культурой⁵¹. Термин «гражданский» во многом тождественен понятию гражданского общества. Сегодня функции гражданского общества и даже самое понимание его сути шире, чем представление об обществе, способном поставить под контроль государство. По мере отхода социал-демократий Запада от кейнсианских трактовок роли государства в экономике, гражданское общество одновременно стало рассматриваться как общество, самоорганизованное и институционализированное таким образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок, не позволять всему обществу подчиняться логике рыночной прибыли⁵².

Гражданское общество в России не может установиться без участия государства. А государство заинтересовано в нем тогда, когда с кем-то надо разделить ответственность. Примером этого может стать образование Общественной палаты сразу после событий в Беслане.

В одной из своих работ конца 1990-х годов Г. Олмонд описывал становление проекта гражданской культуры. Анализ этой работы был осуществлен в статье «Какая политическая культура нужна гражданскому обществу»⁵³. Концепцию Олмонда и Вербы привлекает склонность к пониманию демократии и как формы правления, и как участия народа в политической жизни, именно их концепция показывает отличие политической культуры от дополитической и постполитической.

Опыт изучения политической культуры гражданского общества (или необходимой для построения гражданского общества) должен быть основан на компаративистском анализе ее построения в разных странах, на знании истории и психологии народов, на понимании многообразия проектов демократии и адекватного выбора ее модели, на осведомленности о наличии и использовании теорий, которые были выработаны для этой цели. Уже в 60-е годы Олмонд и Верба писали, что сбалансированное неравенство существует в США и Англии, но отсутствует в Германии, Италии и Мексике тех лет. Под таким неравенством они понимали наличие в США групп разных политических культур (приходской, патриархальной и культуры участия) и задачи демократии обеспечить баланс их интересов. Демократию не как победу демократов, а как их способность

принять во внимания интересы и других социальных групп. Олмонд принял позицию Р. Патнэма, хотя тот использовал не концепцию баланса неравенств, а теорию равновесия, сопоставимую с экономической теорией рынка, в которой продавцы и покупатели достигают приемлемой цены, делающей рынок саморазвивающейся системой. Это близко к позже появившейся модели эффективной демократизации С. Хантингтона — его теории «третьей волны» в понимании гражданской культуры.

Согласно Олмонду, «теория гражданской культуры является теорией демократического равновесия, в которой демократическая стабильность уравнивается демократическими процессами, т. е. градус политического конфликта не выходит за пределы заданного температурного режима»⁵⁴. По его мнению, политическая культура поколенчески различна. Она может содержать ретроспективу, память о прошлом, либо быть обращена в перспективу. Но все-таки Олмонд считает, что основная тенденция в том, что возникают *многомерные пластичные политические культуры*. Заметим, что этого не происходит в России. Здесь, скорее, есть некоторый набор политических культур, каждая из которых одномерна и лишена пластичности и коммуникации с другими⁵⁵.

Исследователи приходят к выводам, которые представляются закономерными. Умеренность и компромисс, необходимые демократии, достигаются балансом между пассивностью и активностью, компетентностью и доверием, эмоциональностью и прагматизмом, согласием и разногласием, между спокойным и продолжительным формированием гражданской культуры и ее торопливым внедрением: « Постепенный рост гражданской культуры путем слияния (разных культур. — В. Ф.) обычно происходит в условиях, когда решение проблем, стоящих перед политической системой, растянуто во времени... Проблема, с которой сталкиваются новые страны, заключается в том, что для них такая постепенность невозможна... »⁵⁶ и , добавим, принятием во внимание наличия групп дополитических, политических и постполитических культур, их причудливым, намеренным или перформативным смещений.

Я разделяю эти выводы, признаю неизбежность присутствия дополитических и постполитических культур, но лишь при наличии политической культуры, способной к решению проблем построения демократии и гражданского общества.

⁵¹ Almond C., Verba S. The Civic Culture. Political Attitude and Democracy in Five Nation. Newbury Park, L. 1989.

⁵² Федотова В. Г. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу // Философский журнал. М. ИФ РАН. 2013. С. 35–48. Он-лайн: http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2012/Fedotova_30_10_2012.pdf

⁵³ Там же.

⁵⁴ Almond S. The Civic Culture: Prehistory, Retrospect and Prospect // CSD Working Paper. Center for the Study of Democracy. California. 1996.

⁵⁵ Подробнее см.: Федотова В. Г. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу // Философский журнал. М. ИФ РАН. 2013. С. 35–48. Он-лайн: http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2012/Fedotova_30_10_2012.pdf

⁵⁶ Almond G. A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. P. 369–370.

